

В ОТВЕТ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЕЙ В.ОРЛОВА И А.БАКЛИЦКОГО

По итогам Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия 2015 г. были опубликованы статьи советника ПИР-Центра Владимира **Орлова** *Стеклянный зверинец нераспространения (Россия в глобальной политике, № 4, июль/август 2015 г.)* и директора программы *Ядерное нераспространение и Россия* ПИР-Центра Андрея **Баклицкого** *Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения (Индекс Безопасности, № 2 (113), Лето 2015 г.)*.

Публикуем отклики читателей, полученные редакцией.

Уже не один десяток лет ПИР-Центр занимается вопросами нераспространения ядерного оружия и контроля за вооружениями, принимает деятельное, творческое участие в осмыслении крайне сложных и имеющих серьезные последствия процессов, идущих в этой области, ведет серьезную аналитическую работу. Публикации и статьи этой *фабрики мысли* — не просто результат обобщения имеющихся информационных массивов: в первую очередь они отражают глубокое понимание происходящего и того, как следовало бы в этой ситуации выстраивать нашу линию.

Аналитическая работа такого рода крайне важна сейчас, в связи с отсутствием осязаемых итогов Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., какого бы то ни было прогресса на Конференции по разоружению в Женеве, да и по многим другим направлениям деятельности. В сфере контроля над вооружениями и нераспространением вырисовывается достаточно тревожная картина. Тревожная в том плане, что успех или провал мероприятий такого формата ставится в зависимость от политической конъюнктуры. Это вызывает нарастающее политическое нетерпение, *накопление пара*, который ищет выход. По причинам и обстоятельствам, вполне вам, уверен, известным, не находя выхода в традиционных форматах, этот *пар* начинает искать щели, через которые, вырвавшись наружу, может произвести разрушения или проделать работу, которая не вполне устроит тех, кто придерживается классического понимания концепции контроля над вооружениями и нераспространения, планирует работу в этой сфере исходя из этого.

Договор о нераспространении ядерного оружия подвергается нарастающему прессингу, доходящему до открытых нападок на саму концепцию документа. Все более открыто звучат оценки в том духе, что нельзя дальше мириться с *дискриминационным* характером этого документа, закрепляющим разные категории стран

по признаку обладания и необладания ядерным оружием. Это примерно та же логика, которой руководствуется целый ряд сторонников радикальных реформ системы Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН — логика, сводящаяся к тому, что время, когда такого рода документы, решения и схемы были оправданны и работали, ушло безвозвратно, и им на смену нужно создать что-то новое. Если классические механизмы многосторонней дипломатии, использовавшиеся на протяжении десятилетий форматы не помогают продвигаться в этом направлении, значит, надо создавать что-то новое с чистого листа и ставить *ретроградов*, *консерваторов*, *охранителей* прежней системы перед фактом, в положение обороняющихся, заставляя их шевелиться и думать над тем, как жить и действовать в этой новой системе международных отношений. Размышления о том, насколько важно двигаться к достижению целей, зафиксированных в самом Договоре и, в частности, его статье VI, здесь, на мой взгляд, вторичны. Если прочитать весь Договор, включая преамбулу, и рассматривать статью VI в этом контексте, думаю, мы неизбежно придем к заключению, что движение к *ядерному нулю* возможно только в контексте всеобщего и полного разоружения. Эта фундаментальная посылка Договора о нераспространении ядерного оружия все чаще становится объектом усиленных нападков и аналитических изысканий со стороны тех, кому такая трактовка претит. Думаю, в ближайшие годы и даже месяцы нам предстоит наблюдать все более изощренные политические и дипломатические ходы, направленные на то, чтобы поставить ее под сомнение.

Совместное заявление *ядерной пятерки*, которое было распространено на последней ОК ДНЯО, — это наименьший общий знаменатель в классическом и прямом смысле слова. Но если вспомнить, в какой ситуации этот общий знаменатель искался, как он выработывался, какие ветры и с каких сторон дули в процессе его поиска, то стыдиться нам нечего, скорее, есть повод для гордости. Другое дело, не совсем понятно, куда в дальнейшем выведет эта *эволюционная кривая* наших коллег по *ядерной пятерке* по многим существенным вопросам. Мы не скрываем, что нас настораживают попытки США, Великобритании и теперь уже Франции заигрывать с антиядерными радикалами, все чаще идти на поводу у тех, кто ищет нестандартные пути для выпуска того самого *пара*. Нам кажется, что не только возобновленная нами тема, касающаяся нарушения со стороны НАТО обязательств по Договору в контексте реализации политики *nuclear sharing* — совместных ядерных миссий, отработки возможного применения ядерного оружия совместно с неядерными государствами-членами НАТО, но и, например, попытки подключить неядерные государства к усилиям в сфере верификации ядерного разоружения, разработка многосторонних концепций транспарентности ядерного разоружения, попытка подключить к этому процессу Международное агентство по атомной энергии в нарушение существующего мандата Агентства — все это признаки меняющегося отношения некоторых участников *ядерной пятерки* к основам взаимодействия в этом формате и основам отношения к ключевым элементам разоруженческой механики. Поэтому какую нишу будет занимать *ядерная пятерка* в будущем, есть ли такая ниша вообще, нужна ли *ядерная пятерка* или дальнейшее сокращение ядерного оружия должно достигаться в других, альтернативных форматах — все это имеет практическое значение и будет определять нашу дальнейшую работу.

В ходе работы Конференции по обзору действия Договора о нераспространении ядерного оружия мы неслучайно сосредоточились на создании зоны, свободной

от ОМУ, на Ближнем Востоке. Еще до первого заседания Препкома последнего обзорного цикла было понятно, что арабские государства не смогут и дальше мириться с ситуацией, когда ядерные державы — и конкретно депозитарии ДНЯО — в очередной раз не смогли обеспечить выполнение базового и фундаментального понимания, лежавшего в основе бессрочного продления ДНЯО в 1995 г., относительно того, что в пакете с бессрочным продлением ДНЯО должно идти создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке и, следовательно, решение ядерной проблемы Израиля, включая присоединение Израиля к ДНЯО в качестве неядерного государства. По мере того как сроки раз за разом срывались, а 2012 г., на который была назначена конференция, приближался, не только мы, но и два других депозитария ДНЯО стали ощущать необходимость более активно, чем раньше, искать развязку. Так называемый *глионско-жневский процесс*, который реализовывался при деятельном и творческом участии швейцарского правительства, позволил в первом приближении нащупать если не контуры взаимоприемлемого решения, то хотя бы некие якоря, используя которые, можно было бы удерживать арабов и израильтян от разбегания в разные стороны и поощрять работать в конструктивном ключе. Кстати, мы помним, что именно ПИР-Центр на раннем этапе работы предоставил свою площадку для неформальных контактов представителей Израиля и Лиги арабских государств. Встреча происходила в гостинице *Ленинградская* на Каланчевке и внесла конкретный и реальный вклад в общие усилия, которые останутся в летописи этой трудной и продолжительной борьбы — не хочется говорить *за выживание ДНЯО*, скорее, борьбы за успешную реализацию обозначенных в Договоре целей.

Тем не менее в преддверии Обзорной конференции ДНЯО этого года позиция арабской группы серьезно ужесточилась. Объяснялось это, вероятно, рядом факторов — и развитием ситуации в регионе, и застоєм в палестино-израильском урегулировании. Возможно, негативно сказались готовившиеся договоренности с Ираном по его ядерной программе — здесь возможны любые объяснения логического свойства. Мне кажется, сработала совокупность факторов, и в результате мы оказались в ситуации, когда нужно было придумать вариант, который, с одной стороны, удовлетворил бы требования арабских стран о проведении конференции и исключал бы возможность, что Израиль — через США или другим образом — заблокирует ее проведение, а с другой стороны, давал бы Израилю возможность включиться в работу, не опасаясь, что повестка дня и итоговый формат конференции предопределят ее исход. С точки зрения содержательной части проект итогового документа ОК ДНЯО по ЗСОМУ, на наш взгляд, отвечал этим внешне не совместимым требованиям и, в принципе, мог бы стать основой договоренности, хотя и был предложен в момент полнейшего цейтнота, когда Конференция уже близилась к завершению. В итоге хаотичные и стремительные маневры последних дней и часов, согласование позиций со столицами привели к тому, что в США, Великобритании и Канаде верх взяла линия на недопущение появления некоего нового качества в этом дискурсе. В жертву этой установке был принесен целый документ, весь проект был пущен под откос. Я согласен с тем, что для ядерных держав проект документа, представленный по принципу *take it or leave it*, во многих аспектах был более чем проблематичным. Мы прорабатывали разные варианты купирования этого. Технология понятная — интерпретирующие заявления, заявления по мотивам и т. д. Но в совокупности имевшийся документ мог бы нас устроить. Конечно, он не был бы предметом гордости, но мы бы избежали нынешней ситуации, когда непонятно, что будет происходить дальше в контексте ДНЯО и каким образом этот опыт отзовется в позициях основных игроков.

По вопросу создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке образовался вакуум. Не уверен, что Лига арабских государств уже приступила к выработке собственной позиции на этот счет. Сомневаюсь, что после произошедшего был проведен фундаментальный обзор политики США в этой сфере. Нет уверенности и в том, что такой обзор будет проведен в остающееся до завершения срока пребывания у власти нынешней американской администрации. Думаю, удовлетворен итогом Конференции только Израиль. У нас контакты с представителями израильского правительства поддерживаются постоянно, и мы получаем от них сигналы о том, что есть готовность к прямому обсуждению с арабами всех вопросов, которые относятся к тематике созыва конференции, включая сегмент региональной безопасности. Однако попытки что-то навязать через ООН, через посредничество Генсекретаря ООН для них неприемлемы. Но государство Израиль традиционно придерживается такой политики, здесь ничего не изменилось. Парадоксальным образом, несмотря на резко негативное отношение к договоренности с Ираном, именно при правительстве Б. Нетаньяху произошло некоторое общее смягчение израильских взглядов и подходов по тематике ЗСОМУ. Вопрос в том, насколько это все декорация, камуфляж, тактический ход. Это вечный вопрос любого дипломата, который мечтал бы подсмотреть, что написано в инструкциях у другой стороны, но я не уверен, что в данном случае эти инструкции вообще существуют. А если и существуют, то они вполне могут даваться устно высшим руководством непосредственным участникам переговоров. Сейчас мы как будто опустились на нулевой уровень в компьютерной игре. Испробовано многое, хода вперед нет, и где стрелка, указывающая на выход из лабиринта, непонятно. Причем искать выход нужно сообща — невозможно представить, что кто-то в индивидуальном качестве вдруг придумает некую идеальную схему, а от остальных здесь ничего зависеть не будет. 🐾

Сергей Рябков,
заместитель министра,
Министерство иностранных дел России

В экспертном сообществе идут споры о возможности применения ядерного оружия. Хотел бы поделиться своими соображениями по данному вопросу. До тех пор, пока ядерное оружие находится в руках ответственных режимов — независимо от того, какой это режим, военный или демократический, — военного конфликта с использованием ядерного оружия быть не может. У индийцев была блестящая возможность, и кое-какие элементы подталкивали Индию использовать это оружие в ходе акта возмездия за террористический акт ноября 2008 г. в Мумбаи. Тем не менее, несмотря на призывы со стороны радикалов, националистических, шовинистических элементов, Индия на это не пошла. Она мобилизовала международное общественное мнение против того, что сделал Пакистан. То есть ответственные режимы не будут это оружие использовать.

Я очень хорошо помню высказывание бывшего посла Индии в России Ронена Сена, который в частной беседе со мной говорил: «Ну, что такое ядерный Пакистан? Его экономический потенциал можно приравнять к потенциалу Большого Бомбея. По сути, Индия может уничтожить Пакистан в любой момент. Но Индия не может

допустить любого, даже *возместимого* ущерба тому или иному городу на своей территории». Это сильный сдерживающий момент для любого нормального режима.

Тот режим, который пришел к созданию собственного ядерного оружия через более-менее нормальные способы его создания — то есть с использованием своего научного потенциала, своих ученых, — такой режим не способен на авантюру. А вот безответственность групп и группировок, пусть даже и называющих себя *государствами*, которые украдут такое оружие, не имеет границ. Поймите психологию одного человека, когда мы имеем дело с террористами-смертниками. Но это не один человек, это психология сразу целого *государства* — *Исламского государства*. И оно может пойти на такую авантюру, как ядерное оружие.

Ответственные режимы, которые самостоятельно изобрели такое оружие, опираясь на понимание своими учеными, своими военными ужасающего воздействия и последствий его применения, не будут его применять. Это средство сдерживания и противовеса.

Конечно, когда кто-то требует от Индии ядерного разоружения, ссылаясь на Пакистан, — мол, зачем вам ядерное оружие, когда Пакистан имеет всего лишь потенциал Большого Бомбея — он не понимает, что у Индии в данном случае совсем другие противники. Началось это давно, после конфликта 1962 г. с Китаем. Там совершенно иной противник. Но Китай и Индия — ответственные государства, поэтому такой вариант я исключаю. А вот безответственные так называемые *государства* — другой разговор.

Я реалист. И я честно могу вам сказать, что это *Исламское государство* вызывает у меня если не оторопь, то возможность взглянуть на него как на источник неизведанных опасностей.

Я большой скептик в отношении разоруженческих процессов. Я внутренне не принимаю, не осудите меня, призывов к разоружению. Ни одно уважающее себя государство не позволит контролировать собственное оружие и процесс его создания. Я интерпретирую контроль над вооружениями как контроль над процессом разоружения. Он касается только тех, кто занят разоружением. Посмотрите, мы не контролируем Китай — и Китай не поддается никакому контролю. А вот в отношении США и России мы можем говорить о контроле над ядерным разоружением.

Отношение многих государств, держав, организаций к тем элементам международного бытия, которые казались до недавнего времени основательными, прочными, долговечными, меняется. На мой взгляд, та бессовестная кампания, которую сейчас затеяли в рамках ООН относительно лишения России права вето за то, что Россия так неограниченно его использует, вызывает серьезные опасения. И я слежу за тем, как происходит этот процесс. Как работают над изменением и толкованием привычных нам элементов международной жизни, международного бытия, в рамках таких организаций, как ООН, в рамках Совета Безопасности.

Здесь, конечно, лежат неизведанные подводные камни, тем более на таком пути, как проведение Обзорной конференции. Мы не в состоянии создать какой-то алгоритм проведения ОК ДНЯО, который бы гарантировал нам успех. Неудача в данном случае — это имманентная участь всего процесса. Помимо всего прочего, нужна политическая воля, чтобы какие-то рекомендации, какие-то представления о том, как выстраивать сегодняшний мир, реализовывались. Потребовать поли-

тической воли от своего партнера мы не в состоянии. Нужно какое-то стечение обстоятельств, хороший климат — тогда и Обзорная конференция может сделать шаг вперед. А когда она проводится в условиях ухудшившегося политического климата, рассчитывать на успех очень сложно, практически невозможно. Поэтому смотреть на нынешний процесс надо достаточно реалистично и спокойно продолжать работу. Она станет серьезным сдерживающим фактором в отношении безответственных режимов и поможет привлечь внимание международной общественности к тому, что не удается выполнить, сделать кого-то публичным нарушителем международной договоренности. 🐘

Вячеслав Трубников,

член дирекции,

Институт мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук

Ситуация с контролем над вооружениями удручающая, более того, она тревожная. Тема теряет свою популярность, учитывая уже четко обозначившееся противостояние Россия–коллективный Запад во главе с США. Самому процессу контроля над вооружениями — я имею в виду и ядерные, и обычные вооружения, и ракеты средней и меньшей дальности — уже не один десяток лет. Хотя в наших отношениях и с Соединенными Штатами, и с НАТО и раньше были трудные периоды, бывало, сотрудничество замедлялось, но всегда оставалась какая-то перспектива. Например, в свое время нератификация и невступление в силу договора СНВ-II не прекратили процесс ядерного разоружения. Все равно оставался договор СНВ-I, все равно велись разговоры о том, что, когда он закончится, нужно продлевать его или делать что-то новое. В конце концов это привело к подписанию Пражского договора.

Посмотрим на Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД). Это хороший договор, он выполнен, и даже те претензии, которые высказывала в свое время Российская Федерация в адрес Соединенных Штатов — и по поводу ракет-мишеней, и по поводу беспилотников — никогда не приобретали форму откровенной конфронтации.

Теперь же со стороны США пошли угрозы относительно того, что Россия так грубо нарушает договор, что в нем больше нет смысла. Я считаю беспрецедентным тот факт, что Б. Обама, президент Соединенных Штатов, написал письмо Президенту РФ В. Путину по этому поводу. На моей памяти не было такого, чтобы по техническому поводу один президент писал другому: «Мы так обеспокоены этой ситуацией», — не приводя при этом никаких *hard evidence*, доказательств нарушения. Это выходит за всякие рамки.

Отмечу ключевые моменты контроля над вооружениями. По противоракетной обороне. Мы никогда не вели с США переговоров по вопросу ПРО, потому что переговоры предполагают какой-то конкретный результат. У нас были консультации, пик которых пришелся на 2005–2008 гг., когда мы боролись против шахт в Польше и радаров в Чехии. После того как Б. Обама заступил на свой пост и выдвинул эту концепцию, наши протесты стали вялыми. Сейчас, мне кажется, все встало на свои места, и то, о чем мы говорили на протяжении последних десяти лет, подтверди-

лось. Уже слышны предложения внести ясность и заявить о том, что создаваемый восточно-европейский сегмент ПРО направлен прежде всего против *агрессивной* России, а не Ирана. Ядерный вопрос Ирана, в том числе благодаря усилиям нашей дипломатии, близок к своему разрешению. Возникают вялые аргументы о том, что дело не в ядерном вопросе Ирана, а в том, что у него есть еще и ракеты (которых у него нет, и вряд ли будут), а потом вообще появилось понятие *угрозы с Юга*. Я не вижу в ближайшем будущем перспектив возобновления каких-либо консультаций с американцами по вопросам противоракетной обороны.

По тактическому ядерному оружию у меня еще три года назад было ощущение, что наше руководство, в принципе, может пойти на какие-то меры транспарентности. В экспертных кругах это широко обсуждалось, да и в Минобороны, насколько я знаю, полного отрицания по этому вопросу не было. Американцы в то время говорили, что у них есть сомнения по поводу дальнейшей модернизации их гравитационных бомб W-61. Сейчас вопрос с повестки дня снят. Американцы заявили, что программа будет запущена. Более того, пошли разговоры о том, что НАТО надо увеличить ядерный потенциал перед лицом российской угрозы. Поэтому говорить о том, что в обозримой перспективе этот вопрос будет решаться положительно, у меня лично причин нет.

Что касается перспективы дальнейших сокращений ядерных вооружений, как известно, после вступления в силу последнего договора СНВ заветная цифра, о которой говорил Б. Обама — 1000 боезарядов — не слишком поддерживалась, особенно российским руководством. Но в то же время и полного отрицания не было. Насколько я понимаю, наша официальная позиция была такова: давайтеждемся выполнения Пражского договора, а потом будем говорить о каких-то дальнейших сокращениях. Но перспектива продолжения обсуждения дальнейшего сокращения и возможность такого сокращения не отрицались. Сейчас говорить о том, что будет какое-то дальнейшее снижение наших ядерных потенциалов — до 1000 или 1100 боезарядов, что уже неприципиально, — вряд ли возможно. Идет активная модернизация нашего ядерного потенциала, причем во всех его компонентах: это и *Булава*, и *Ярс*, и новые тяжелые ракеты, и возрождение железнодорожных комплексов, и модернизация Ту-160, запущена программа перспективного авиационного комплекса дальней авиации, который придет на смену Ту-160 и Ту-95, разработаны новые подводные лодки. Да и американцы реанимируют все свои программы. И даже если мы пройдем период сокращений СНВ-III, говорить о том, что есть перспективы идти куда-то вниз, не очень оправданно.

Что в этих условиях делать? Нужно набраться терпения. Именно контроль над вооружениями, как мне кажется, может быть нашей *палочкой-выручалочкой*, если отношения дойдут до *точки кипения*, если станет совсем плохо и пойдет разговор о том, чтобы эту напряженность снизить. А для этого нужно говорить о чем-то предметном: о концепции глобального удара, о гиперзвуке, обсуждать космос. Иными словами, поле для разговора есть, но для этого нужен несколько иной уровень отношений. 🐘

Евгений Бужинский,
председатель Совета,
ПИР-Центр

